УДК 341.63

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЗНАЧИМОСТИ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕКСТЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ

В. Н. ШЕРЮКОВА
(Представлено: Т. В. Семёнова)

Рассматривается проблема оценки галлюцинаций искусственного интеллекта в иностранных арбитражных решениях. На основе анализа дела ARIHQ v. Sante Quebec (2026) формулируется тест пропорциональности, позволяющий разграничить допустимое техническое использование искусственного интеллекта и фактическую подмену судейского усмотрения. Обосновывается возможность рецепции данного подхода в законодательстве Республики Беларусь.

Развитие генеративных языковых моделей и их проникновение в сферу разрешения споров поставили вопрос о границах допустимого использования цифровых инструментов при вынесении арбитражных решений. Традиционно в таких случаях суды обращаются к фундаментальным принципам, канонам толкования и институтам публичного порядка. Однако практическое применение общих принципов «за отсутствием специального закона» не в полной мере разрешает возникшую проблему. В условиях отсутствия легально зафиксированных критериев оценки применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) правоприменительная практика рискует расщепиться на множество различных подходов.

Можно выделить две диаметрально противоположные точки зрения. Во-первых, возможен полный запрет какого-либо использования ИИ арбитром как нарушение публичного порядка. Этот подход представляется нерациональным, поскольку технология уже широко применяется во всем мире. Во-вторых, полное игнорирование галлюцинаций как обыкновенной ошибки в правоприменении. Такой подход применим в общем праве, но в континентальной системе невозможен. Континентальное право воспринимает арбитражный акт не просто как результат частного договора, а как акт правосудия, наделенный публично-правовой легитимностью, обязательным атрибутом которой выступает подлинная и проверяемая правовая мотивировка.

Поскольку оба подхода неэффективны, необходимо выработать общие критерии, на основании которых можно оценить степень допустимости использования ИИ при вынесении конкретного решения.

В доктрине международного коммерческого арбитража давно признано, что арбитражное решение должно сохранять характер акта, вынесенного на основе независимого судейского усмотрения. Принцип delegatus non potest delegare и требование intuitu personae традиционно рассматриваются как пределы допустимого делегирования полномочий арбитра. Использование генеративных моделей ставит эти пределы в новый контекст: возникает необходимость разграничить допустимую техническую помощь и фактическую передачу интеллектуальной функции принятия решения.

Концепция human-in-the-loop (человек в контуре) изначально возникла как минимальный стандарт надлежащего контроля, при котором алгоритм выступает вспомогательным инструментом, а окончательное правовое решение и оценка доказательств остаются за арбитром. В современной доктрине эта концепция подверглась критике из-за феномена формального присутствия человека, когда арбитр подписывает решение, но не осуществляет реальной проверки выводов нейросети.

В решении по делу Association des ressources intermédiaires d'hébergement du Québec (ARIHQ) v. Santé Québec (2026 QCCS 1360) Высший суд Квебека впервые отменил арбитражный акт, ключевая мотивировочная часть которого содержала ИИ-галлюцинации [1]. Смешанная юрисдикция Квебека представляет особенный интерес. Процедура оспаривания и отмены арбитражных решений здесь определена в Кодексе гражданского судопроизводства. Как и Беларусь, процессуальное право Квебека полностью имплементировало нормы Нью-Йоркской конвенции 1958 года и Типового закона ЮНСИТРАЛ.

Спор возник из соглашения о предоставлении медицинских услуг между клиникой-оператором Osman (представляемым ассоциацией ARIHQ) и государственным институтом здравоохранения Santé Québec. Истцы требовали ретроактивной компенсации в размере около 1 225 000 канадских долларов. Арбитр полностью отклонил заявление, установив, что спор был пропущен ввиду истечения 90-дневного преклюзивного срока, предусмотренного договором [1].

Обратившись в Высший суд Квебека с заявлением об аннулировании арбитражного решения, истцы доказали, что правовая аргументация арбитра, касающаяся юридической силы и порядка исчисления договорных ограничений по срокам, целиком базировалась на вымышленных судебных решениях и несуществующих научных статьях. Суд не признал решение и сформулировал базовые принципы допустимости ИИ в правосудии [1].

Разграничивая сферы применения технологий, суд разделил допустимое техническое содействие и фактическую подмену судейского усмотрения. К категории разрешенных вспомогательных операций

были отнесены поиск правовых материалов, автоматизированный перевод юридической терминологии, орфографическая коррекция и форматирование текста. Категорически недопустимой признана передача алгоритму функций по проведению самостоятельного правового анализа, оценке доказательств и непосредственному формированию мотивировочной части решения [1].

Данный запрет опирается на максиму delegatus non potest delegare и характер intuitu personae, присущий выбору арбитра. Составление мотивировочной части представляет собой не техническую фиксацию готового результата, а интеллектуальный процесс, в ходе которого арбитр критически осмысляет собственную правовую позицию. Стороны заключают арбитражное соглашение, выражая персональное доверие квалификации и судейскому усмотрению конкретного лица, поэтому передача правомочий по вынесению решения автономному алгоритму нарушает волю сторон.

Подход находит параллель в уже сложившейся практике разграничения полномочий секретарей арбитражного трибунала. Как и в деле Yukos, ассистент (в том числе алгоритмический) вправе выполнять вспомогательные функции, однако не вправе самостоятельно формировать мотивировочную часть или принимать ключевые правовые решения [2].

Второй аспект затрагивает посягательство на процессуальную целостность разбирательства. Загрузка конфиденциальных сведений и материалов дела во внешние коммерческие нейросети была квалифицирована как нарушение тайны совещания арбитров и обязанности сохранения конфиденциальности [1].

В качестве завершающего критерия выступает тест существенности нарушения и проверка причинно-следственной связи между алгоритмическим дефектом и его правовыми последствиями. Суд отказался от тотального запрета ИИ, указав, что минимальное использование алгоритма или единичная ошибка по второстепенному вопросу не влечет аннулирования решения, если фактическая и правовая позиция сохраняет независимую опору на реальные доказательства. Когда сгенерированные нейросетью вымышленные прецеденты составили основу мотивировочной части, как в деле ARIHQ v. Santé Québec, возникает прямая причинно-следственная связь между дефектом и результатом. В таком случае решение утрачивает разумную правовую основу и не подлежит экзекватуре.

Именно разграничение подлинного человеческого участия и эффекта формального присутствия человека составляет внутреннюю логику теста пропорциональности. В деле ARIHQ арбитр формально подписал решение, однако слепо перенес в текст ключевые галлюцинации. Квебекский тест позволяет суду экзекватуры определить, являлся ли арбитр подлинным «человеком в контуре» или его присутствие носило символический характер. Если сгенерированные алгоритмом источники составили центральный каркас мотивировки, это свидетельствует о самоустранении арбитра и нарушении принципа delegatus non potest delegare. Если человеческий контроль был реальным, правовая мотивировка подлинной и относимой, а использование технологии — периферийным, решение проходит тест пропорциональности.

Для доказывания своей позиции истцы использовали экспертизу, подтверждавшую ложность ссылок. Суд упростил стандарт доказывания, отметив, что для констатации нарушения не требуется компьютерно-техническая экспертиза. Факт наличия в тексте сфабрикованных источников сам по себе создает презумпцию самоустранения арбитра от проверки.

Правовая система Республики Беларусь обладает кодифицированным гражданским процессом (Закон Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» № 279-З). В соответствии с пунктом 2 статьи 43 Закона основаниями для отмены или отказа в экзекватуре выступают несоблюдение процедуры разбирательства или противоречие публичному порядку Республики Беларусь [3].

В отличие от смешанной юрисдикции Квебека, континентальные правопорядки, включая Республику Беларусь, более чувствительны к нарушениям, затрагивающим мотивировочную часть решения. Публичный порядок здесь толкуется не только как защита фундаментальных ценностей, но и как требование к характеру правосудия. Поэтому критерий существенности нарушения нуждается в адаптации: в белорусской практике акцент должен делаться не столько на количественной оценке галлюцинаций, сколько на том, сохранил ли арбитр реальный контроль над правовой квалификацией спора.

Рецепция теста пропорциональности позволяет выстроить сбалансированную модель судебного контроля. При оценке иностранного арбитражного решения суд должен оценивать, являлось ли применение ИИ вспомогательным или оно затронуло существо мотивировки, подменив независимый мыслительный процесс арбитра. Передача мотивировочной функции алгоритму должна квалифицироваться как посягательство на стандарты антропоцентричного правосудия и справедливого разбирательства.

Проведенный анализ позволяет заключить, что оценка галлюцинаций ИИ в арбитражных решениях не может строиться ни на тотальном запрете технологии, ни на ее игнорировании. Дело ARIHQ v. Santé Québec демонстрирует работоспособные критерии оценки галлюцинаций ИИ в тексте иностранных арбитражных решений. Предложенный тест включает три условия: характер операций, конфиденциальность и существенность нарушения. Такая модель сохраняет баланс между технологической открытостью и стандартами антропоцентричного правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Quebec Association of Intermediate Housing Resources v. Integrated University Health and Social Services Centre of South-Central Montreal : Arrêt de la Cour supérieure du Québec, 22 April 2026 : 2026 QCCS 1360 //Jus Mundi. – [Montréal],2026.– URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/fr-quebec-association-of-intermediate-housing-resources-v-integrated-university-health-and-social-services-centre-of-south-central-montreal-arret-de-la-cour-superieure-du-quebec-2026-qccs-1360-wednesday-22nd-april-2026 (date of access: 15.10.2026).
2. Yukos Universal Limited (Isle of Man) v. The Russian Federation : Judgment of the Supreme Court of the Netherlands, 4 Dec. 2020 : PCA Case No. 2005-04/AA227 // Jus Mundi. – [The Hague], 2020. – URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-yukos-universal-limited-isle-of-man-v-the-russian-federation-judgment-of-the-supreme-court-of-the-netherlands-friday-4th-december-2020 (date of access: 15.10.2026).
3. О международном арбитражном (третейском) суде : Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система. – Мн., 2026. – URL: https://etalonline.by (дата обращения: 14.10.2026).